

Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 89–97.
Altai Law Journal. 2023. № 1 (41). P. 89–97.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.9:311(470)

**СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Павел Владимирович Тепляшин¹, Вячеслав Витальевич Молоков²

^{1,2} Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия

¹ pavlushat@mail.ru

² vvmolokov@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена роль различных методов и подходов к изучению преступности для обнаружения её особенностей. Обоснована важность выявления структурных изменений преступности в Российской Федерации и её округах. Анализ динамики изменений структуры преступности позволил выявить увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений. В заключение изложены криминологические закономерности корреляционной взаимосвязи удельного веса зарегистрированных преступлений различных категорий, на фоне которых очерчены перспективы активного развития интегративной криминологии.

Ключевые слова: кражи, криминальная резистентность, общественная опасность, преступления средней тяжести, регистрируемые преступления, системное явление, Центральный федеральный округ

Для цитирования: Тепляшин П. В., Молоков В. В. Структура преступности в Российской Федерации: статистический анализ и криминологическая характеристика // Алтайский юридический вестник. 2023. № 1 (41). С. 89–97.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**STRUCTURE OF CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION: STATISTICAL
ANALYSIS AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS**

Pavel V. Teplyashin¹, Vyacheslav V. Molokov²

^{1,2} Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia

¹ pavlushat@mail.ru

² vvmolokov@mail.ru

Abstract. The article examines the role of different methods and approaches to the study of crime to detect its characteristics. The importance of identifying structural changes in crime in the Russian Federation and its districts is justified. Analysis of the dynamics of changes in the structure of crime revealed an increase in the proportion of serious and especially serious crimes. The conclusion outlines criminological patterns of correlation between the proportion of registered crimes of different categories, against which prospects for active development of integrative criminology are outlined.

Key words: theft, criminal resistance, public danger, medium crime, recorded crime, systemic phenomenon, Central Federal District

For citation: Teplyashin P. V., Molokov V. V. Structure of crime in the Russian Federation: Statistical analysis and criminological characteristics. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2023;1:89–97 (In Russ.).

Изучение преступности как исторически изменчивого, социального и правового процесса неразрывно связано с криминологическим анализом ее структуры и динамики. Аналогично иным социально-экономическим процессам и явлениям преступности свойственны инертность, незначительная вариативность характеризующих показателей и достаточно сильная взаимосвязь её признаков. Для познания этих и иных свойств преступности используется широкая гамма методов научного поиска, каждый из которых позволяет под особым углом взглянуть на рассматриваемое явление, обнаружить его новые особенности. Так, системный анализ преступности позволяет выделить и обобщить её специфические особенности, а также реализует возможности для разработки моделей криминализации [1]. Ведь «преступность (с ее внутренними и внешними закономерностями) — системное явление, а следовательно, изучать преступность необходимо с системного подхода» [2, с. 70]. В свою очередь, исторический и компаративистские подходы не только обеспечивают выявление соответствующих закономерностей развития преступности, но и объясняют

современные криминальные реалии на фоне мировых трендов. В этой связи нельзя не отметить справедливое высказывание А. Л. Репецкой о том, что мировой тренд «великое снижение преступности» информативно отражается на развитии современной российской преступности [3]. Резюмируя, заметим, что на фоне общего снижения уровня преступности синхронно изменяется и состав (структура) преступности, трансформируются иные её свойства, что представляет предмет криминологических исследований в рамках теории преступности.

Следовательно, особенности структурных изменений преступности в Российской Федерации, её округах и субъектах, а также динамика и тенденции структурных преобразований преступности вызывают особый научный интерес.

Наиболее часто для изучения криминологических особенностей преступности используют открытые данные, классифицируемые по характеру и степени общественной опасности деяний, т. е. на основании положений ст. 15 УК РФ. На рисунке 1 представлена диаграмма динамики структуры преступности в Российской Федерации с 2017 г.

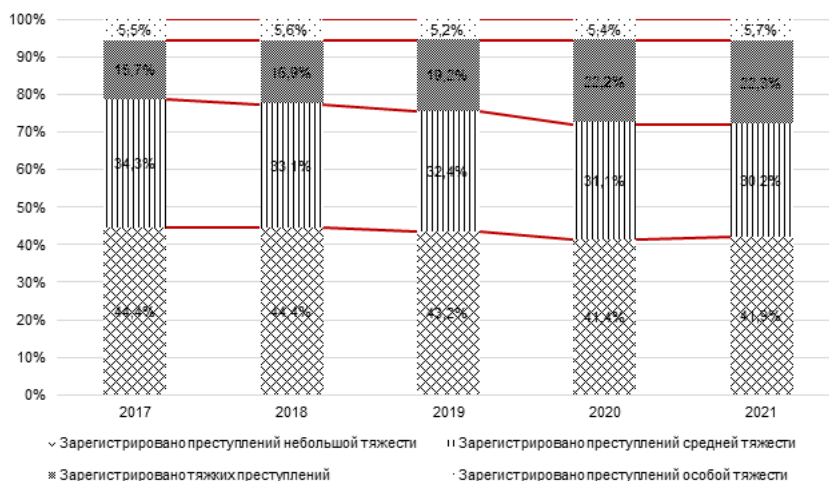

Рис. 1. Диаграмма динамики структуры преступности в Российской Федерации в 2017–2022 гг.

Динамика изменений структуры преступности в России демонстрирует увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений. Так, число тяжких преступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений в 2021 г. по сравнению с 2017 г. увеличилось на 6,6 %, а особо тяжких преступлений — на 0,2 %. Тенден-

ция к снижению доли преступлений небольшой и средней тяжести сохраняется. Данная криминологическая тенденция объясняется двумя основными причинами: 1) в указанный период наблюдается активизация правоохранительных органов по уголовно-правовому предупреждению ряда рейтинговых преступлений (в част-

ности, в сфере незаконного оборота наркотиков, посягательств на половую неприкосновенность, общественно опасные деяния экстремистской направленности), которые в своей значительной части относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений; 2) общая профилактика преступности стала оказывать тонизирующее предупредительное действие на преступления небольшой и средней тяжести, тогда как тяжкие

и особо тяжкие посягательства обладают известной сопротивляемостью к общей профилактике, поэтому именно данные преступления стали занимать более ощутимый удельный вес в общей массе преступности.

Средние оценки удельного веса преступлений в Российской Федерации за период 2017–2021 гг. по характеру и степени общественной опасности представлены на рисунке 2.

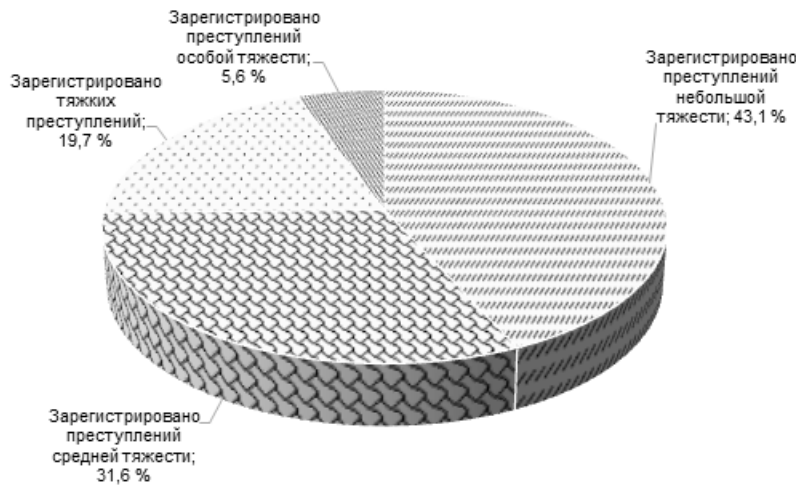

Рис. 2. Средние показатели структуры преступности в Российской Федерации за период 2017–2021 гг.

В структуре преступлений, классифицируемых по объекту посягательства, в Российской Федерации наибольшую долю составляют преступления против собственности (48,3 %), преступления против жизни и здоровья (7,4 %), преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (3,8 %), а также иные преступления (37 %). Динамика удельного веса преступлений, классифицируемых по объекту посягательств, в Российской Федерации представлена на рисунке 3. При этом необходимо отметить, что преступления против собственности действительно занимают менее 1/2 (среднее значение за 2017–2022 гг.) удельного веса от общей массы всех регистрируемых преступлений, что корреспондирует тенденции постепенного уменьшения удельного веса краж, грабежей и разбоев. Следовательно, исследователям-криминологам, полагающим, что удельный вес посягательств против собственности в общей массе зарегистрированных преступлений составляет свыше 50 % (например, А. Е. Михайлов и И. А. Тараканов полагают [4, с. 56], что удель-

ный вес таких преступлений составляет 54,5 %), необходимо скорректировать свои выводы.

Также следует учитывать, что посягательства против собственности выступают лишь частью корыстной преступности, к которой необходимо «отнести как, например, квартирные, карманные кражи, так и такие коррупционные преступления, как присвоения и растраты, мошенничества, рейдерские захваты, незаконную торговлю оружием, наркотиками, бандитизм, торговлю людьми и т. п.» [5, с. 70]. Соответственно, корыстная направленность преступности остается крайне активной и даже характеризуется интенсификацией. По сведениям Н. А. Вакуленко, «Уголовный кодекс Российской Федерации включает 150 статей, предусматривающих уголовную ответственность за деяния, совершенные из корыстных соображений (144 вида преступлений)» [6, с. 123]. Так, применительно к насильственной преступности в специальных исследованиях аргументированно отмечается, что спецификой «современной насильственной преступности, как отмечают сотрудники право-

охранительных органов, является также возрастание значимости корыстной мотивации преступников. Даже "бытовые" насильственные

преступления против личности, которые обычно имеют ситуационный характер, стали чаще совершаться из-за корысти» [7, с. 250].

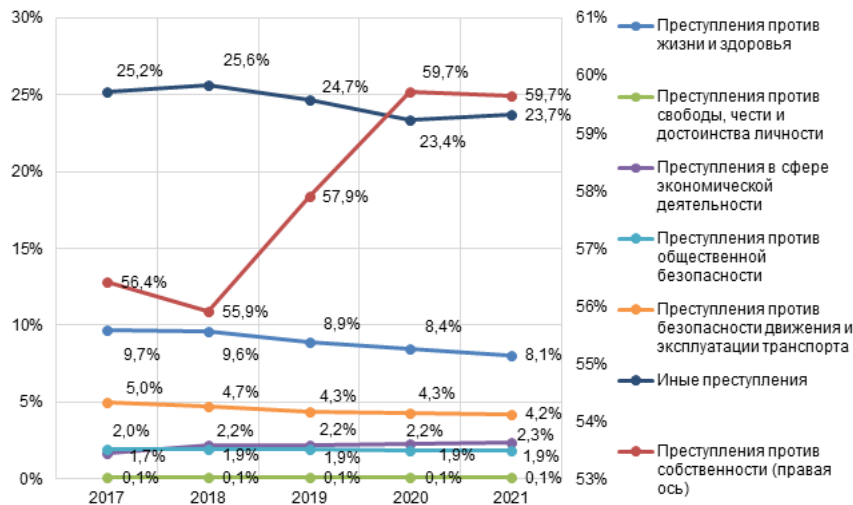

Рис. 3. Динамики доли преступлений, классифицируемых по объекту посягательства, в Российской Федерации за период 2017–2021 гг.

С позиций динамических характеристик структуры преступности необходимо отметить возрастание с 2017 по 2021 г. в общем объеме зарегистрированных преступлений удельного веса посягательств против собственности (+3,3 %), а также общественно опасных деяний в сфере экономической деятельности (+0,6 %). Тенденцию к снижению демонстрируют преступления против жизни и здоровья (-1,6 %), преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (-0,8 %), преступления против общественной безопасности (-0,1 %). Преступления против свободы, чести и достоинства личности сохраняют устойчивость на уровне удельного веса 0,1 %. Напоминаем, что данные тенденции отражают не абсолютные показатели преступности, а степень «проседания» отдельных видов преступности на фоне общего снижения числа зарегистрированных преступлений в Российской Федерации: с 2 058 476 в 2017 г. до 2 004 404 в 2021 г. Соответственно,

можно говорить о стабильной криминальной резистентности посягательств против собственности и общественно опасных деяний в сфере экономической деятельности, которые занимают неизменно высокий удельный вес среди общего массива зарегистрированных преступлений. Причем указанные группы преступлений, как верно отмечают В. А. Авдеев и Е. В. Авдеева, практически не обладают какой-либо взаимосвязью [8, с. 104]. Следовательно, посягательства против собственности и общественно опасные деяния в сфере экономической деятельности обладают самодостаточными «зарядами» криминальной энергии, высокой степенью живучести от профилактического воздействия и значительной общественной опасностью, что подтверждает целесообразность активного предупреждения данных видов преступности.

Среднее (за 2017–2021 гг.) соотношение долей рассматриваемых видов преступности представлено на рисунке 4.

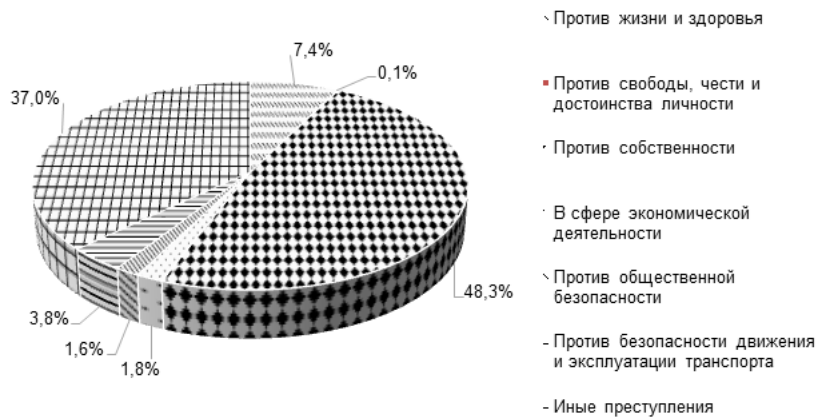

Рис. 4. Средние значения удельного веса преступлений в Российской Федерации

Региональная структура преступности имеет свои особенности. На рисунке 5 представлены средние значения (за 2017–2021 гг.) удельного веса преступлений, классифицируемых по характеру и степени общественной опасности, в субъектах Российской Федерации. Наибольший удельный вес составляют преступления небольшой тяжести, максимальная доля которых наблюдается в Уральском (47,9 %) и Приволжском (47 %) федеральных округах (далее — ФО), наименьший — в Южном федеральном округе (38,1 %). Наибольшей вариативностью в субъектах Российской Федерации обладают преступления средней тяжести, минимальная доля которых наблюдается в Уральском ФО (27,9 %), максимальная — в Южном ФО (39,5 %). Минимальная доля тяжких преступлений регистрируется в Уральском ФО (16,5 %), максимальная — в Центральном ФО (22,3 %). Наименьший удельный вес имеют преступления особой тяжести, максимальная доля которых фиксируется в Уральском ФО (16,5 %), минимальная — в Дальневосточном ФО (4,2 %).

Обращает внимание криминологическая закономерность, согласно которой наиболее высокий удельный вес преступлений средней тяжести наблюдается в Южном и Дальневосточном федеральных округах, на территории которых

зарегистрирован наименьший удельный вес преступлений особой тяжести — 4,4 % и 4,2 % соответственно; наиболее высокий удельный вес преступлений небольшой тяжести обнаруживается в Уральском и Приволжском федеральных округах, на территории которых зарегистрирован наименьший удельный вес тяжких преступлений — 16,5 % и 18,6 % соответственно. Данные «качели» демонстрируют ситуацию частичного «впитывания» одной категорией преступления, как правило, небольшой или средней тяжести, других — соседних, обладающих большей степенью общественной опасности. Почему именно в указанных федеральных округах наиболее ярко проявляется данная криминологическая закономерность? На данный вопрос мы сможем ответить, рассмотрев статистический анализ и криминологическую характеристику среднего удельного веса преступлений, сгруппированных в зависимости от объекта посягательства.

В целом распределение удельного веса регистрируемых преступлений различной категории по округам позволяет выявить ряд иных криминологических закономерностей, что позволяет приблизиться к объяснению ряда региональных тенденций, связанных с различной степенью и характером криминальной активности населения.

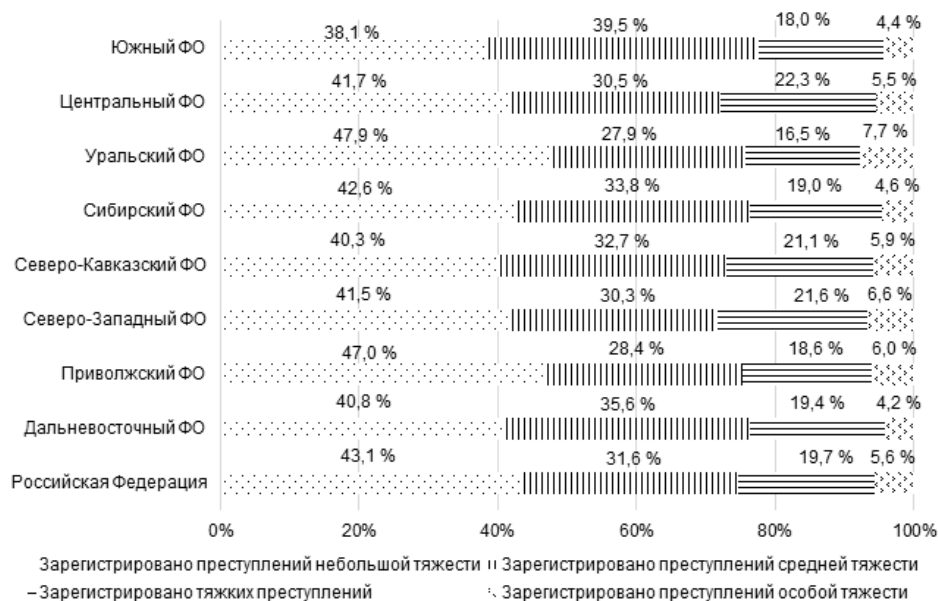

Рис. 5. Средние показатели структуры преступности в субъектах Российской Федерации

Оценки среднего (за 2017–2021 гг.) удельного веса преступлений, сгруппированных в зависимости от объекта посягательства, представлены в таблице 1 и на рисунке 6.

В таблице выделены ячейки, которым соответствуют максимальный удельный вес и минимальный удельный вес преступлений по соответствующим видам.

Таблица 1

Средний удельный вес преступлений (%) в регионах Российской Федерации за период 2017–2021 гг.

Регионы	Против жизни и здоровья	Против свободы, чести и достоинства личности	Против собственности	В сфере экономической деятельности	Против общественной безопасности	Против безопасности движения и эксплуатации транспорта	Иные преступления
РФ	7,4	0,08	48,3	1,8	1,6	3,8	37,1
ДФО	8,8	0,09	45,7	1,2	1,8	5,2	37,2
ПФО	8,3	0,08	47,2	1,9	1,1	4,1	37,3
СЗФО	7,0	0,11	49,5	1,8	1,2	3,2	37,2
СКФО	5,1	0,10	38,6	2,6	6,7	5,2	41,6
СФО	8,8	0,07	47,6	1,3	1,2	4,2	36,9
УФО	9,4	0,10	45,7	1,6	1,2	4,0	38,1
ЦФО	6,1	0,05	51,6	2,1	1,3	3,0	35,8
ЮФО	6,2	0,07	52,2	1,7	1,5	3,4	35,0

 максимальный удельный вес

 минимальный удельный вес

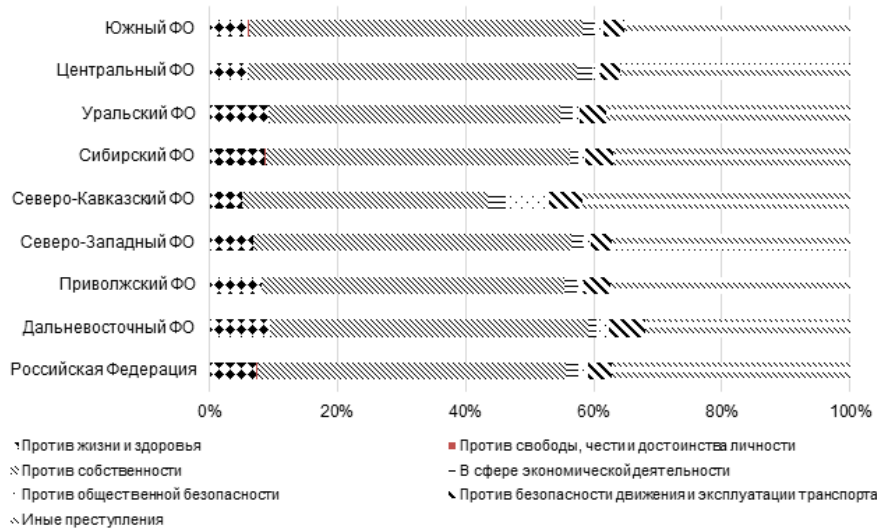

Рис. 6. Средние оценки удельного веса преступлений по объекту посягательства в регионах Российской Федерации за период 2017–2021 гг.

Представленные статистические сведения дают возможность обосновать криминологическую закономерность, в соответствии с которой наиболее высокий удельный вес преступлений средней тяжести выявлен в Южном и Дальневосточном федеральных округах, но на территории которых зарегистрирован наименьший удельный вес преступлений особой тяжести. Так, в Южном ФО на преступления против собственности приходится наибольший удельный вес среди всех федеральных округов; в Дальневосточном ФО удельный вес данных преступлений также значителен (5-е место среди всех федеральных округов), что свидетельствует о существовании корреляционной связи между высоким удельным весом преступлений средней тяжести и посягательствами, закрепленными уголовным законом в главе 21 УК РФ.

Также анализ приведенных статистических данных позволяет объяснить, почему наиболее высокий удельный вес преступлений небольшой тяжести и наименьший удельный вес тяжких преступлений приходится на Уральский и Приволжский федеральные округа. Так, в Уральском ФО преступления против жизни и здоровья занимают наибольший удельный вес среди всех федеральных округов; в Приволжском ФО удельный вес данных преступлений также значителен (4-е место среди всех федеральных округов), что свидетельствует о корреляционной связи высокого удельного веса преступлений небольшой

тяжести и посягательства, предусмотренных уголовным законом в главе 16 УК РФ.

Приведенные выводы носят в определенной степени диалектике мере эвристический характер, но они опираются на перспективы активного развития интегративной криминологии, что позволяет преодолеть риск известного «зачерствелого» аксиологизма при изучении криминальных явлений и процессов. Кроме того, такие и подобные им выводы отражают принцип релятивизма при изучении преступности, согласно которому любое полученное знание о криминальных проявлениях носит неполный и ограниченный характер, «никогда нельзя достичь "полного и окончательного" знания об исследуемом объекте» [9, с. 43]. Следовательно, данное исследование позволяет наращивать эвристический потенциал криминологических исследований, осуществляемых с использованием сложных статистических инструментов. Не случайно Ю. Ю. Комлев обоснованно указывает на то обстоятельство, что в условиях, когда российской «криминологией хорошо освоены статистические методы, позитивистская методология в целом... В своей основе сбор и статистический анализ эмпирических данных о преступности опираются на математический аппарат... использование методологической триангуляции [совместное применение различных статистических, криминологических, социологических, количественных, качественных и иных методов]

в исследовательских проектах дают реальный шанс еще более адекватно описать многомерную картину преступности в масштабах страны и ее регионов» [10, с. 9, 13].

Таким образом, проведенный статистический и криминологический анализ отдельных показателей структуры преступности в Российской Федерации позволяет сформулировать ряд следующих основных выводов: 1) в период с 2017 по 2021 г. наблюдается криминологическая тенденция к снижению доли регистрируемых на территории Российской Федерации преступлений небольшой и средней тяжести, сохраняется при одновременном росте удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений; 2) преступления против собственности занимают менее 1/2 (среднее значение за 2017–2022 гг.) удельного веса от общей массы всех регистрируемых преступлений, что коррелирует

тенденции постепенного уменьшения удельного веса краж, грабежей и разбоев, но не влияет на сохраняющуюся высокую корыстную направленность современной преступности; 3) на примере Южного и Дальневосточного федеральных округов выявлена криминологическая закономерность, в соответствии с которой наиболее высокому удельному весу зарегистрированных преступлений средней тяжести (в среднем за 2017–2022 гг.) коррелирует наименьший удельный вес зарегистрированных преступлений особой тяжести; 4) на примере Уральского и Приволжского федеральных округов обнаружена криминологическая закономерность, согласно которой наиболее высокому удельному весу зарегистрированных преступлений небольшой тяжести (в среднем за 2017–2022 гг.) соответствует наименьший удельный вес тяжких преступлений.

Список источников

1. Скоморохов Р. В. Модель преступности в СССР: опыт системного анализ // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2021. № 3 (98). С. 113–125.
2. Иванова А. А. Интеграция познавательных и практических знаний при изучении криминологии // Законность и правопорядок. 2019. № 1 (21). С. 69–73.
3. Репецкая А. Л. Современное состояние, структура и тенденции российской преступности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 1 (54). С. 151–156.
4. Михайлов А. Е., Тараканов И. А. Общеуголовная корыстная преступность: состояние и тенденции // Ученые записки. 2020. № 4 (36). С. 54–57.
5. Рогова Е. В. Корыстная преступность в условиях информационной глобализации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 69–74.
6. Вакуленко Н. А. Корыстная преступность как основа криминализации современного российского общества // Философия права. 2020. № 1. С. 122–128.
7. Асмандиярова Н. Р., Гарифуллина Р. Ф. Корыстная направленность преступности в России и меры ее предупреждения // Евразийский юридический журнал. 2019. № 8 (135). С. 250–251.
8. Авдеев В. А., Авдеева Е. В. Правовой анализ общеуголовной корыстной преступности в Российской Федерации: состояние и тенденции развития // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 1. С. 102–122.
9. Гишинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2021. 602 с.
10. Комлев Ю. Ю. Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1 (27). С. 6–14.

References

1. Skomorokhov R. V. Model prestupnosti v SSSR: opit sistemnogo analiz // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii. 2021. № 3 (98). S. 113–125.
2. Ivanova A. A. Integratsiya poznavatelnykh i prakticheskikh znaniy pri izuchenii kriminologii // Zakonnost i pravoporyadok. 2019. № 1 (21). S. 69–73.
3. Repetskaya A. L. Sovremennoe sostoyanie, struktura i tendentsii rossiiskoi prestupnosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2018. № 1 (54). S. 151–156.

4. Mikhailov A. Ye., Tarakanov I. A. Obshcheugolovnaya koristnaya prestupnost: sostoyanie i tendentsii // Uchenie zapiski. 2020. № 4 (36). S. 54–57.
5. Rogova Ye. V. Koristnaya prestupnost v usloviyakh informatsionnoi globalizatsii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 2. S. 69–74.
6. Vakulenko N. A. Koristnaya prestupnost kak osnova kriminalizatsii sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Filosofiya prava. 2020. № 1. S. 122–128.
7. Asmandiyarova N. R., Garifullina R. F. Koristnaya napravlenost prestupnosti v Rossii i meri yee preduprezhdeniya // Yevraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2019. № 8 (135). S. 250–251.
8. Avdeev V. A., Avdeeva Ye. V. Pravovoi analiz obshcheugolovnoi koristnoi prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie i tendentsii razvitiya // Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2019. T. 23. № 1. S. 102–122.
9. Gilinskii Ya. Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh «otklonenii». SPb.: Izd-vo «Yuridicheskii tsentr Press», 2021. 602 s.
10. Komlev Yu. Yu. Integrativnaya kriminologiya kak osnova metodologicheskoi triangulyatsii pri izuchenii prestupnosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 1 (27). S. 6–14.

Сведения об авторах

П. В. Тепляшин — доктор юридических наук, доцент.

В. В. Молоков — кандидат технических наук, доцент.

Information about the authors

P. V. Teplyashin — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

V. V. Molokov — Candidate of Science (Engineering), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.08.2022; одобрена после рецензирования 29.12.2022; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 11.08.2022; approved after reviewing 29.12.2022; accepted for publication 15.03.2023.